

Сергей ЮРСКИЙ

Спектакль Петера Штайна ожидался как «гвоздь» московского чеховского фестиваля. Штайна это беспокоило — трудно оправдывать слишком большие авансы, трудно рассчитывать на успех больший, чем выпал на долю его «Трех сестер» в Москве несколько лет назад. Штайн говорил: «Вишневый сад» — самая трудная, самая прекрасная и для меня самая любимая пьеса Чехова. В «Трех сестрах» в поэтической плотности даны отношения между людьми. В «Саде» — люди и природа, мир, космос.

...Зал МХАТа переполнен. Стоят в проходах. Сидят по двое на стуле. Сидят на полу. Конечно, есть всегдашний

лось поле с деревянной часовней и редкими телеграфными столбами, пахло сеном. Реально — весь планшет был устлан сеном, и Раневская с Аней и Варей кувыркались в копне.

В третьем пахло свечным воском и бильярдным сукном. Реально свечи горели, и Епиходов реально, в игре, ломал кий. И Петя Трофимов реально падал с реальной лестницы. Об этом не просто рассказывали — это действительно было на сцене. Не слышком ли? Да, на мой взгляд, — перебор, грузновато. Уж чересчур много реалий, и гостей, и танцев (хотя выполнено все безупречно).

Но был 4-й акт. Сперва пахло шампанским — в бокалы раз-

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ «ВИШНЕВОГО САДА»

привкус престижности — именно сегодня надо быть здесь, на людей посмотреть и себя показать, — но ведь и в этом праздник театра. В освещенном зале, в распахивании, в подборе лиц, в жестках приветствий — уже театр. Зал шумит и торопит начало.

Началось вдруг. Загудел далекий поезд. Быстро погас свет, и быстро поднялся занавес. Легкий аплодисмент добротной, в прекрасных пропорциях и подробностях, почти реставрационно «станиславской» декорации, по которой, честно говоря, сильно соскучились. Со сцены пахло просторным, слегка запущенным жильем, пахло утром, весной. Пахло буквально — за счет цвета, света, окон, подбора предметов, потрескавшегося потолка... и еще чего-то... знакомого, неопределимого и очень реального. Буквальность, доведенная до поэзии, — Петер Штайн продолжает развивать такой подход к театру.

Труппа Шаубюне постоянная. Это очень ощущается. Во-первых, узнаешь знакомых актеров в новых ролях (это приятно). А во-вторых, и это главное, во всех них без единого исключения уверенность, крепость, великолепное владение профессией и собой. Ни в ком привкуса гастролерства. В мизансценах, в эмоциональной подаче принцип — не максимально, но оптимально. Потому такое чувство единства, ансамбля. Потому легко воспринимается параллельное действие на двух концах сцены. Именно в чеховском духе никто долго не солирует, уступая партнеру, но не тушует, а включается в интенсивный, психологически проработанный «аккомпанемент» центральному действию данного мгновения.

Такая игра может вызвать и неприятие — дескать, мощности не хватает, акценты слегка смазаны, одно наползает на другое — выход с живой собачкой на важный монолог, танцы с топаньем на душевный поворот. На мой взгляд, это достижение. Актеры Петера Штайна виртуозы. Но это не индивидуальная, а коллективная виртуозность — симфонизм.

Во втором акте, когда откры-

ливали натуральное. А потом... когда присели на дорогу и молчали неподвижно полную реальную МИНУТУ — для сцены невероятно долго, когда обнялись в последний раз брат с сестрой и неловко мелькнул в дверях Лопухин, когда нелепый Пищик зарыдал вдруг, уткнувшись лбом в переплет окна, и еще потом (когда уже ждали хрестоматийно известного финала) старый Фирс обошел очень медленно все двери и убедился, что он действительно заперт и, сидя на диване, еще живой, но уже совершенно оглохший, не услышал, как с грохотом разбилось окно и срубленная вишневая ветка вломилась в комнату...

Пожалуй, это был единственный символ, привнесенный режиссером. Все остальное — идеальное следование ремаркам автора. И оказалось, что именно в доверии к Чехову — свобода. И опять получилось, что немцы привезли нам гуманитарную помощь, теперь в виде искусства. Сколько усилий мы тратим, стараясь проявить свое лицо в спектакле. Штайна интересовал только автор, и музыка Чехова сильно и трогательно прозвучала на чужом языке.

Нет возможности в коротком отзыве разобрать сложное сплетение актерских работ. Обсуждая с коллегами, я заметил — каждый иначе составлял группу особенно понравившихся. Я назыву поразивших меня: Ютта Лампе (Раневская), Каролине Айхгорн (Аня), Дёрте Лиссески (Варя), Эрнст Штётцнер (Петя), Вернер Рем (Пищик).

Спектакль шел 4 часа 50 минут. Овация длилась еще четверть часа. Жаль, что его больше не будут играть ни здесь, ни в Германии. Для двух московских представлений спектакль специально возобновлен — репетировали месяц по 6 часов в день.

Так чем же пахло со сцены? Не пылью кулис. Не сеном и не шампанским. Не только ими. Пахло бессмертным драматическим искусством, творимым на наших глазах. Печальной, благоуханной музыкой Чехова. Спасибо, Петер Штайн!